Вибе Ясела

Вон Химик идёт!

Книга 1 · Дар Кёнигсберга

Ясела Вибе

Вон Химик идет

«Автор»
2026

Вибе Я.

Вон Химик идет / Я. Вибе — «Автор», 2026

Ты знаешь химию? Ты жив? Ты живёшь в городе, полном магии? И этот город — Кёнигсберг? Конечно, нет. А у него всё наоборот.Его зовут Александр. Или Химик. Он умер, но живёт в Кёнигсберге — городе, которого нет в его прежнем мире.В Кёнигсберге живут иные. Алхимия соседствует с магией, а зеркала показывают то, чего не должно быть. Здесь есть дружба и предательство, любовь и подлость, опасности и приключения.Первая книга цикла «Вон Химик идёт!»

© Вибе Я., 2026
© Автор, 2026

Ясела Вибе
Вон Химик идет

Вон Химик идёт!

Книга первая. Дар Кёнигсберга

Вибе Ясела

Глава 1. Остался должен

Первое, что я услышал после собственной смерти, было:

— Ну что, падла, деньги отдавать будешь?

Это что, у меня спрашивают?

Я лежал лицом вниз на каменных плитах и, понятное дело, не видел того, кто спрашивал. Но спрашивающий был совсем рядом и даже ткнул меня ногой в бок.

Я хотел ответить, что если они ко мне обращаются, то произошла какая-то путаница. Я никакая не падла, это во-первых. Во-вторых, какие это деньги и почему я должен их отдавать? И, в-третьих, неплохо бы сначала разобраться, где я нахожусь и почему у меня так сильно болит голова.

Однако ответить не получилось. Кто-то с размаху ударил меня ногой в живот. Боль была такая, что я чуть второй раз не умер.

— Я тебя спрашиваю!

— А я... — прохрипел я, — между прочим... тоже хотел кое-что спросить...

— Чего?

— Вы кто такие?

Меня снова ударили. На этот раз по спине. Чёрт, как же больно! В жизни мне так не доставалось. Опять удар, теперь по ногам. Они что, решили так проверить весь мой организм? Осталась только голова нетронутой, подумал я, идиот, и, конечно, накаркал.

Когда тебя бьют по голове, это не только больно. Это ещё и почему-то обидно. Как будто тот, кто тебя лупит, считает, что в голове у тебя пусто, встряхиваться нечему и можно колотить сколько вздумается.

— Послушай, — захрипел я и сразу опять получил.

Ну всё, подумалось. Поговорили. Вот и помирай после этого. Вообще-то умирать, по крайней мере сегодня, я не собирался. Да и вчера не собирался. У меня, если на то пошло, на эту неделю, да и на следующие штук триста недель, были совершенно другие планы. Да и умер я, насколько помню, довольно глупо.

Последнее, что осталось в памяти, — старый немецкий дом в Калининграде, подвал, газовый баллон и один дебил знакомый, который уверял, что ничего страшного не произойдёт.

Я ещё сказал ему:

— Ты хоть понимаешь, что делаешь?

Знакомый поднял голову, посмотрел на меня и усмехнулся:

— Да не боись ты... Сто раз так делал!

Вот эта фраза меня всегда настораживала. Особенно когда её произносили люди, работающие с электричеством, газом или бензопилой. Потом что-то хлопнуло.

И всё.

Наверное, следовало хотя бы обидеться на судьбу. Всю жизнь работаешь, стараешься, зарабатываешь деньги, отдаёшь долги, а потом какой-то дурак говорит, что сто раз так делал, — и на тебе... На этом твоя биография заканчивается.

Вообще, сто — цифра какая-то не та. Поговорки с ней дурацкие. «Не имей сто рублей», «Сто раз отмерь» и прочая чепуха. Никогда не нравились. И этот в подвале мне тоже не нравился. И правильно. Угробил меня всё же, дебил.

Но обижаться на дебила было некогда. Потому что сейчас меня били.

Я лежал на холодном кирпичном полу. Вокруг пахло сыростью, старой штукатуркой и ещё чем-то неприятным. Я принюхался — фу... Кажется, дохлой крысой. Или ещё чем-то... Тоже явно неживым и несвежим. Разлепил затёкшие глаза и посмотрел наверх.

Надо мной стояли трое. Стояли и равнодушно смотрели на меня. Даже как-то брезгливо. Как на раздавленную на дороге лягушку. Первый — толстый, с короткой шеей и лицом человека, которому с детства никто ничего не запрещал. С наглой мордой, в общем. Второй — высокий, худой, с длинными руками. Похож на богомола какого-то.

Третий был поменьше остальных, с лицом человека, отсидевшего лет двадцать по тюрьмам и пересылкам, и всё время крутил в пальцах какую-то металлическую штуковину. Судя по их одежде, эти ребята собрались на маскарад. Особо разглядывать их было, понятное дело, несподручно. Но в глаза сразу бросались их длинные кожаные куртки, высокие сапоги, металлические застёжки, какие-то знаки на воротниках.

У толстого на груди красовалась ещё серебряная эмблема, изображавшая то ли слизня, а может, и дракона. Толстый как раз задвигался, подошёл ко мне поближе и немного наклонился. Нет, на дракона эта штука была похожа меньше всего.

— Последний раз спрашиваю, Скидановский. — Толстый наклонился прямо к моему лицу. — Где деньги?

Я как смог сделал удивлённое лицо.

— Какие, блин, ещё деньги?

— Долг, придурок!

— Какой долг?

Толстый повернулся к своим приятелям.

— Я не знаю, что делать, — сказал он. — Вы слышите? Этот придурок, он опять придуривается.

— Может, память отшибло? — хрипловатым голосом предположил длинный.

— Сейчас вернём.

Это уже третий заговорил. Тот, что с уголовной рожей. Он поднял надо мной руку. В кулаке у него тускло отсвечивала какая-то металлическая штуковина. На её конце затрещали синие искры. И вот тут я окончательно перестал понимать происходящее.

До этого ещё можно было предположить, что я оказался, не знаю, в психбольнице или попал в руки каких-нибудь особо продвинутых коллекторов.

Но теперь...

— Это что у тебя? — спросил я снизу.

— Не видишь? — Он ухмыльнулся. — Шокер.

— Вижу, — ответил я, — вижу, что не самовар.

Этот с бандитской рожей опять усмехнулся и затрещал своим шокером. Я смотрел и не мог оторвать взгляд от голубого плавающего огонька на конце этой херовины.

Потом проглотил ком в пересохшем горле и спросил:

— А почему у него искры синие?

— Потому что магический, придурок!

И он, повернувшись к этим двум, засмеялся. Я тоже подумал, может, засмеяться, но нет. Наверное, не надо.

Магический шокер.

Ну замечательно.

Оказывается, после смерти существует не только загробная жизнь, но и загробная магическая электротехника.

— Слушай, — я немного приподнялся, кряхтя, на один локоть и повернулся к толстому.

Он показался мне не то чтобы самым адекватным — просто стоял ближе всех и потому был как-то опаснее.

— Итак, — говорю я толстому, — давай договоримся. Ты мне сначала объяснишь, что происходит, а потом уже продолжишь бить. А то как-то, не знаю... невежливо получается. Вы меня, видимо, все знаете, раз бьёте за что-то, а я вас, например, впервые вижу.

— Впервые?! Ты чё, поюморить с нами решил?

Толстый присел передо мной на корточки. От него пахло дешёвым табаком и чем-то вроде туалетного освежителя, а вовсе не одеколоном.

«Альпийские луга», блин.

Толстый протянул ко мне руку с пухлыми пальцами в блестящих перстнях и взял меня за волосы.

— Ты мне вчера, падла, то же самое говорил! — Даже не проговорил, а прошипел. — Позавчера вообще обещал деньги принести. А сегодня, значит, не помнишь?

— Вчера? — переспросил я.

— Да! — вдруг заорал толстый и размахнулся второй, свободной рукой, чтобы ударить меня.

Я рефлекторно поднял локоть, пытаясь прикрыть если не всё лицо, то хотя бы его часть. Но толстый почему-то не стал бить, а, наоборот, отпустил мои волосы и, приподнявшись, повернулся к двум другим. Они о чём-то негромко заговорили.

У меня в голове шумело, как будто там был включён электрочайник, который вот-вот закипит. И тут я заметил свои руки. Они были совершенно чужими.

Тонкие запястья, длинные пальцы. Ни мозолей, ни старого шрама, который я прекрасно помнил с детства. Я даже порастопыривал пальцы. Нет, это точно не моё.

А остальное, мелькнуло в голове, тоже не моё?

Я осторожно пошевелил ногами. Ног, во всяком случае, было две, но и они казались какими-то чужими. Наклонять голову было больно. Этот жирный мне попал-таки носком своего уродского ботинка куда-то выше плеча. Но я скосил глаза и всё-таки посмотрел на себя.

Вместо привычных брюк на мне были какие-то тёмные штаны с красной полосой сбоку. Сапоги, форменная куртка, золотистые пуговицы. Я осторожно потрогал лицо. Ни щетины, ни привычных скул. Непривычно гладкая кожа.

Даже морщин, кажется, не было. Упругая, как у тёток после ботокса.

— Ребята, — сказал я им, — а скажите...

Я прокашлялся.

— А сколько мне лет?

Толстый медленно повернулся.

— Всё. Он меня достал. Кончилось моё терпение, Скидановский.

— Семнадцать, — неожиданно ответил длинный. — Через месяц восемнадцать.

— Спасибо, — сказал я.

— За что?

— За информацию.

И вот за вежливый ответ я снова получил по спине. Решив не изображать партизана-героя, я закричал. И ещё подумал: вот же уроды, причём очень невоспитанные уроды.

Семнадцать лет.

Вот это уже было интересно. В последний раз, когда я говорил про собственный возраст, мне было за пятьдесят. Меня про мой год рождения и прочие цифры спрашивала, помню, в МФЦ девушка. Конечно, я мог сейчас что-нибудь забыть, но не тридцать с лишним лет сразу.

Я приподнялся, опираясь на правую руку. Левая болела после ударов. Видимо, попали по сухожилиям, уроды. Потом осторожно сел. Эти трое стояли теперь немного в стороне и на меня уже, слава богу, не смотрели.

Только толстый мельком бросил взгляд, увидев, что я приподнимаюсь. Посмотрел равнодушно и отвернулся. Троица уродов о чём-то негромко совещалась. Сидя на полу, я несильно потряс головой, надеясь, что шум в ушах утихнет.

Комната сразу поплыла перед глазами. И тут прямо в воздухе появилась надпись.

ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ ЗАВЕРШЕНА.

Я моргнул и присмотрелся.

Надпись осталась.

НОСИТЕЛЬ: АЛЕКСАНДР СКИДАНОВСКИЙ.

ВОЗРАСТ: 17 ЛЕТ.

СОСТОЯНИЕ: НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЕ.

МАГИЧЕСКИЙ РЕЗЕРВ: 0,03%.

ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ: 18%.

УГРОЗА ЖИЗНИ: УМЕРЕННАЯ.

Вот насчёт последнего я был не согласен. Угроза жизни, на мой взгляд, была вполне приличная.

— Вы это видите? — Я повернулся к троице.

— Что? — спросил толстый.

— Надпись.

— Какую, блин, надпись?

— Да прямо перед вами!

Я поднял руку и ткнул в воздух пальцем. Толстый посмотрел на длинного. Длинный посмотрел на маленького.

Маленький ни на кого не смотрел, а стоял и чесал затылок.

— Он точно свихнулся, — заключил толстый.

Маленький ему не спеша ответил:

— А по башке не надо было бить. Постоянно ты бьёшь по башке. А надо по почкам. Понимаешь?

Толстый что-то возмущённо начал ему отвечать. Я закрыл глаза и старался не слушать их. Надпись, кстати, в воздухе так и не исчезла.

Более того, когда я обратно открыл глаза, в воздухе появилось новое сообщение.

ОБНАРУЖЕНА НЕСОВМЕСТИМОСТЬ ПАМЯТИ.

ДОСТУПНЫ ФРАГМЕНТЫ ВОСПОМИНАНИЙ ПРЕЖНЕГО НОСИТЕЛЯ.

ВОССТАНОВИТЬ?

Под надписью мерцали две кнопки.

«ДА» и «НЕТ».

Я подумал: «Да». И у меня заболела голова. Так, будто туда одновременно засунули весь наш школьный архив вместе со шкафом, телефонный справочник и полное собрание пыльных сочинений из учительской.

Перед глазами вдруг замелькали лица, здания, улицы, незнакомые люди. Как будто кино на перемотке. Огромный замок из красного кирпича. Двор с памятником какому-то генералу.

Какие-то пацаны в тёмных мундирах. Преподавательница в пенсне, похожая на Шапокляк из мультика.

Красивые девушки.

Так... Опа... Ещё деньги. Очень много денег. Денег, которых у меня никогда не было. Вернее, не только денег, но и долгов.

Ещё я увидел себя — точнее, этого семнадцатилетнего мальчишку — сидящим за карточным столом. Вокруг стояли такие же пацаны в мундирах, какие-то кадеты. Кто-то из них смеялся.

Кто-то что-то мне подсказывал. А напротив, через стол, сидел молодой человек со светлыми волосами и совершенно неприятной улыбкой.

— Ставь ещё, бастард.

Мальчишка, то есть я, поставил.

И проиграл.

Потом ещё раз.

И ещё.

Вот же дурак. Что, остановить меня там некому?

Правда, судя по обрывкам памяти, играть меня заставляли. Проигрывать, получается, тоже.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПАМЯТИ: 6%.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: ДАЛЬНЕЙШАЯ ЗАГРУЗКА ПРИ ТЕКУЩЕМ СОСТОЯНИИ ОПАСНА.

Надписи исчезли. Картинки перестали мелькать. Я снова оказался в сыром подвале перед этими тремя неприятными людьми.

— Ну что, вспомнил? — спросил толстый.

— Частично.

— Деньги где?

— А сколько должен?

— Триста имперских рублей.

— Ничего себе!

— Сколько?!

Я даже присвистнул. И, конечно, спросил:

— За что?

— За карточный долг, скотина! — начал опять заводиться толстый.

— Понятно.

Я замолчал. Потом поднял на них голову и спросил:

— Значит, я ещё и в карты играю?

— Играл, — поправил длинный. — Теперь не будешь.

— Это почему?

— Потому что покойники не играют. Если только в ящик, — сострил он. — Короче, сдохнешь, если долг не отдашь.

Логично.

Логично, но совершенно не объясняло, как я умудрился стать должником, где вообще нахожусь и кто я такой. Что это за подвал и откуда мне взять какие-то триста имперских рублей?

Интересно, сколько это по нашим деньгам?

Я пошарил правой рукой по карманам. Нашёл две медные монеты, носовой платок и какой-то смятый бумажный талон.

— Вот, — сказал я, протягивая деньги. — Пока всё, что имеется.

Толстый посмотрел на монеты.

— Ты издеваешься?

— Нет. Две монеты. Больше в карманах нет, можешь проверить.

Толстый секунду молча смотрел на меня, а потом подошёл и пнул ногой по руке с монетами. Я вскрикнул, а монетки вылетели из моей руки и покатились по каменным плитам подвала.

Блин, теперь и правая рука повисла плетью. Как этот толстый умудряется попасть точно в нерв или в сухожилия?

Толстый уже стоял около тех двух и кивал головой. Он внимательно слушал маленького и длинного, которые что-то ему вполголоса говорили. Потом он подошёл ко мне.

— Значит, слушай сюда, — толстый опять наклонился надо мной. — Слушай внимательно. До вечера ты принесёшь деньги. До вечера. Иначе мы тебя сразу найдём. И то, что будет, ты представляешь?

— Понял. Ну, в смысле представляю.

Я согласно закивал головой.

— Нет, повтори, — сказал толстый.

— До вечера принести деньги, — послушно повторил я.

— Молодец.

Толстый выпрямился.

Тут к нам подошёл третий, маленький. Он посмотрел на меня и сказал:

— Повтори вот такой вопрос: «А если я не принесу?»

Я послушно повторил и это:

— А если не принесу?

— Убьём, — спокойно сказал этот третий.

— Ну, это вы зря, — заметил я ему.

— Почему?

— Потому что тогда я точно ничего не отдам.

Длинный сзади них неожиданно хрюкнул от смеха. Эти оба повернулись к нему и посмотрели на него так, что тот сразу перестал смеяться.

Пока мы разговаривали, я потихоньку осматривался. Подвал был старый, немецкий. Сводчатый потолок, толстенные кирпичные стены, заржавевшие трубы. В дальнем углу стояли деревянные ящики. Рядом валялись грязные пустые бутылки. Из-под потолка капала вода.

На стене виднелась полустёртая надпись на немецком. Готические буквы. Какой-то рисунок ещё... Непонятно, что нарисовано. Из букв можно разобрать только слово Achtung.

Внимание.

Спасибо, немцы. Очень своевременно. Единственная дверь находилась за спинами моих собеседников. Окон не было.

Сил у меня тоже не было. В своём прежнем теле я, конечно, мог бы попытаться поговорить с такими ребятами немного иначе. Попытаться хотя бы. Но толстому точно бы не поздоровилось. Всё-таки двенадцать лет физруком и тренером проработал. Кое-что понимал в движении, равновесии и в том, что такое хук или джеб той же правой. Даже с отбитым сухожилием.

Но сейчас...

Сейчас мне даже встать было трудно. Я осторожно напряг руки. Тело отозвалось слабостью.

Такое впечатление, что прежний хозяин этого организма всю жизнь питался исключительно школьными компотами и то через раз. В горле, кстати, совсем пересохло.

— Можно воды? — спросил я у этой троицы.

— Чего? — Они удивлённо повернулись ко мне.

— Попить. — Я кивнул головой на потолок. — У вас же тут целая речка с потолка течёт. Может, кружка найдётся?

Толстый вздохнул.

— Ты меня достал. Может, тебе, уроду, ещё кофе сделать?

Он протянул руку к маленькому.

— Давай сюда разрядник.

Маленький с удовольствием передал ему тот магический шокер. Толстый взял его и приблизился ко мне.

— Сейчас у тебя быстро память восстановится, — пообещал он мне.

Я стал отодвигаться от него к стене. И неожиданно увидел в воздухе ещё одну надпись. На этот раз совсем маленькую.

АКТИВИРОВАН ПАССИВНЫЙ АНАЛИЗ.

ОБЪЕКТ: МАЛЫЙ БОЕВОЙ РАЗРЯДНИК.

ТИП ЭНЕРГИИ: ВОЗДУХ / ЭЛЕКТРИЧЕСТВО.

СТАБИЛЬНОСТЬ КОНТУРА: 31%.

ПОВРЕЖДЕНИЕ ИЗОЛЯЦИИ.

ПРИ КОНТАКТЕ С ВЛАГОЙ ВОЗМОЖНА ОБРАТНАЯ ДУГА.

Я смотрел на надпись и пытался сообразить.

Какой ещё контур?

Какая дуга? Сварочная?

Впрочем, одно было понятно даже без магического образования. Штуковина эта, видимо, неисправна. Причём неслабо — 31 процент.

Толстый сделал ещё шаг. Я поднял руку.

— Подожди.

— Что?

— Эта штука у тебя давно?

— Какая разница?

— Большая. У неё изоляция повреждена.

— Чего? — Толстый изумлённо уставился на меня.

— Рукоятка мокрая, говорю. Ударит тебя.

Толстый расхохотался и обернулся к остальным:

— Он мне ещё рассказывает, как магические артефакты работают!

— Могу рассказать, если сам разберусь, — неожиданно сказал я ему.

Он поднял шокер и двинулся ко мне. И тут я заметил странную вещь. Вокруг металлической штуковины появились тонкие светящиеся линии. Они переплетались между собой, образуя что-то вроде объёмной схемы.

Одна из линий мигала красным.

Я присмотрелся.

Система показала повреждённое соединение внутри артефакта. Оно находилось совсем рядом с рукояткой. Я посмотрел на потолок. Старые трубы. Конденсат. Капли воды.

Если рукоятка намокнет, разряд может ударить самого владельца.

— Слушай, — сказал я толстому, — подойди поближе. А то не видно ничего.

— Чего?

— Поближе, говорю.

Толстый шагнул вперёд и оказался прямо под протекающей трубой. Несколько крупных капель упали на его руку. Светящиеся линии вокруг шокера задрожали.

СТАБИЛЬНОСТЬ КОНТУРА: 12%.

ВЕРОЯТНОСТЬ ОБРАТНОГО РАЗРЯДА: 87%.

Толстый поднял шокер.

— Сейчас увидишь!

Он нажал кнопку. Раздался короткий треск. Воздух осветила синяя вспышка.

Толстый страшно заорал, дёрнулся и выронил шокер. Длинный кинулся ему помогать, поскользнулся на мокром полу и с размаху налетел на товарища. Раздался глухой стук.

Это длинный приложился лбом о каменный пол. И, судя по звуку, хорошо приложился. Это, конечно, очень хорошо. В общем, они оба рухнули и лежали рядом.

Маленький замер с открытым ртом.

Перед глазами появилась новая надпись:

ПЕРВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ НАВЫКА «ВЗГЛЯД ХИМИКА».

ПОЛУЧЕН ОПЫТ: 15.

ОТКРЫТА ВОЗМОЖНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ МАГИЧЕСКИХ СТРУКТУР.

Я посмотрел на шокер, лежавший на полу. Получается, эти штуковины можно разбирать и понимать, как они устроены. Но сейчас разбираться было некогда.

И я понял, что второго такого случая мне никто не предоставит.

Поднялся я довольно неловко.

Ноги дрожали.

В глазах темнело. Но жить мне всё равно хотелось. Даже после смерти. А когда человеку хочется жить, он иногда способен на удивительные вещи.

Даже, повторяюсь, если этот человек всего полчаса назад умер. Маленький первым пришёл в себя.

— Ты чего?!

И бросился ко мне. Вот тут сработала старая привычка. Я не стал его бить.

Просто уклонился — вернее, увалился в сторону — и слегка ударил его ногой по ноге. Маленький пролетел мимо, споткнулся, ещё раз споткнулся о какой-то ящик и упал прямо на него. А вдруг на полу, где лежала кучка из этих двух, что-то опять затрещало.

Толстый заорал ещё громче, чем в первый раз. Длинный лежал молча, раскинув одну руку в сторону, а вторую неловко подвернув под себя. Я перепрыгнул через длинного, схватился за дверную ручку и потянул.

Заперто.

Ну конечно.

Как же иначе. Я дёрнул ещё раз.

Потом толкнул.

Потом снова потянул.

Не открывается.

Сзади послышался мат. Кажется, толстый окончательно пришёл в себя.

— Убью!

— Да понял я уже! — крикнул я. — Не надо каждый раз повторять!

Я снова посмотрел на дверь. Старая дубовая доска. Железные полосы. Большая замочная скважина. И табличка с немецкой надписью.

Толкать.

Я толкнул.

Дверь открылась.

Надо же.

Век живи — век учись. Я выскочил в тёмный коридор. Сзади раздался топот.

— Стой!

— Сейчас! — откликнулся я. — Только шнурки завяжу!

И побежал.

Бегать в этом теле оказалось удивительно трудно. Не потому, что ноги были плохие. Как раз наоборот — длинные, молодые, вроде бы вполне пригодные. Но организм был совершенно не подготовлен к физической нагрузке.

Уже через двадцать шагов у меня закололо в боку. Через тридцать я начал задыхаться. А через сорок подумал, что прежняя жизнь была не такой уж плохой.

Там, по крайней мере, можно было спокойно ходить пешком. Коридор вывел к лестнице. Я взлетел по ступенькам, толкнул тяжёлую металлическую дверь и оказался на улице.

Шёл дождь.

Нормальный такой калининградский дождь. Мелкий, холодный, неприятный. Я даже обрадовался.

Значит, не всё изменилось. Передо мной тянулась улица с мокрой булыжной мостовой.

Я оглянулся.

На углу висела чугунная табличка:

УЛИЦА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО.

А ниже, на второй табличке, значилось:

ГОРОД КЁНИГСБЕРГ.

Я несколько секунд стоял под дождём.

Калининград.

То есть нет.

Кёнигсберг.

Собственно, город был тот же. Только, похоже, история у него сложилась совершенно иначе. Дорога шла между красивыми старыми немецкими зданиями с высокими крышами и готическими башенками. Некоторые дома больше походили на небольшие замки. Особенно один, с круглой башней на углу и узкими окнами, похожими на бойницы.

Интересно, что в них находилось? Вывесок никаких не было. Наверное, просто жилые дома, подумал я. Хотя жить в таком замке, наверное, неплохо.

Машины были такие же, как у нас, и так же проносились по мокрой брусчатке, стараясь объезжать лужи. Некоторые водители больше заботились о том, чтобы не испачкать автомобили, и, похоже, совершенно не переживали, что забрызгивают людей на тротуарах.

Один такой чёрный автомобиль с золотым орлом на капоте промчался совсем рядом. Я едва успел отскочить к стене. Грязная вода плеснула на мои сапоги.

— Спасибо, — сказал я вслед автомобилю. — Очень любезно.

Дальше я пошёл уже осмотрительно, оглядываясь по сторонам. И сразу заметил странность. Из водосточных труб, украшенных головами каких-то страшных животных, лилась вода. Ничего странного, но вот у одного дома она почему-то вся собиралась и текла обратно вверх. По трубе. От самой мостовой к крыше. Я остановился и присмотрелся.

Нет, действительно вверх. Как будто её магнитом тянуло. Глазам просто не верилось. Вода поднималась по железному жёлобу, переливалась через край крыши и исчезала в какой-то тёмной ёмкости наверху.

— Надо же, — пробормотал я. — Хитро придумано. А у нас вечно подвалы затапливает.

Я ещё немного посмотрел на необычный водосток и продолжил путь. И тут за спиной грохнула дверь.

— Вон он!

Я побежал.

Не знаю, сколько времени продолжалась погоня. Минут пять, наверное. А может, всего одну.

Когда тебя преследуют три здоровых придурка, время почему-то идёт гораздо быстрее обычного. Я свернул в узкий переулок. Потом ещё в один.

Проскочил между двумя домами, едва не сбил женщину с корзиной и оказался перед большим перекрёстком. На другой стороне улицы стоял полицейский. Высокий, усатый, в тёмно-синем мундире.

Вот оно, спасение!

Я бросился к нему.

— Господин полицейский!

Он повернулся.

— Что случилось?

— За мной гонятся!

— Кто?

— Трое!

— Почему?

Хороший вопрос.

— Денег хотят!

Полицейский сразу нахмурился.

— Долг?

— Ну... вроде того. Так они говорят.

— Тогда отдайте.

— Так у меня нет!

— Заработайте.

— А они меня убить собираются!

Я решил не отставать от него. Полицейский посмотрел на меня внимательнее.

— Вы кадет?

— Похоже, да.

Я поправил воротник.

— Какого корпуса?

Ага, вот тут я задумался. Где-то в памяти мелькнула цифра.

— Девяносто третьего.

Полицейский сразу выпрямился.

— Императорского?

— Наверное. Да, точно императорского.

— Фамилия?

— Моя? — глупо спросил я.

Полицейский удивлённо сказал:

— Ну конечно, ваша, не императора же!

— Моя фамилия Скидановский.

Усатый помолчал.

— Бастард Богдановских?

Я вздохнул.

— А это обязательно?

— Что?

— Быть бастардом.

Полицейский посмотрел на меня с таким выражением, будто я попросил его объяснить устройство канализации.

— Ступайте в корпус, кадет. И не позорьте мундир.

— А эти трое?

— Какие трое?

Я обернулся.

Странно.

Никого. Улица пуста.

Преследователи исчезли.

Очень предусмотрительные люди.

— Вот только что были! За мной шли!

— Когда будут, тогда и приходите, — нетерпеливо сказал полицейский.

И сделал жест: проходите, мол, не задерживайте меня. На этом наш разговор закончился. Усатый отвернулся от меня и принялся наблюдать за движением.

А я остался стоять под дождём. Ну что ж. В другом мире полиция, оказывается, тоже иногда работает по принципу: сначала пусть что-нибудь случится, а потом приходите.

Потом, оглядываясь по сторонам, я добрался до остановки и сел на мокрую скамейку. Надо собраться с мыслями. В голове шумело.

Живот болел.

Ноги тряслись.

А перед глазами снова возникла надпись.

ЗАДАНИЕ ЗАВЕРШЕНО.

«СОХРАНИТЬ ЖИЗНЬ».

НАГРАДА: 25 ОЧКОВ ОПЫТА.

ДОСТУПНО НОВОЕ УМЕНИЕ: «ВЗГЛЯД ХИМИКА».

Я несколько раз моргнул.

Потом подумал:

«Характеристики».

И тут же появилась таблица.

АЛЕКСАНДР СКИДАНОВСКИЙ

Возраст: 17 лет. Статус: кадет Императорского корпуса № 93. Происхождение: внебрачный потомок рода Богдановских.

Физическая сила: 3.

Выносливость: 2.

Ловкость: 4.

Интеллект: 9.

Магический резерв: 0,03%. Доступные очки развития: 1. Я внимательно изучил цифры.

Интеллект девять.

После этого надпись пропала.

Ого. Приятно.

Хотя хотелось бы знать, из скольких это девять. Если из десяти — прекрасно. А если из ста — лучше вообще не показывать.

А ну-ка попробую. Я мысленно нажал на слово «интеллект».

Появилось пояснение:

ИНТЕЛЛЕКТ: СПОСОБНОСТЬ К АНАЛИЗУ, ОБУЧЕНИЮ И ПОСТРОЕНИЮ ЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ.

ТЕКУЩИЙ УРОВЕНЬ ВЫШЕ СРЕДНЕГО ДЛЯ ВОЗРАСТНОЙ ГРУППЫ.

Ну вот. Оказывается, несложно... Работает всё. Хоть здесь не обманули. Потом я посмотрел на физическую силу.

Три. Это, наверное, немного. Выносливость показала цифру два. Неудивительно, что меня чуть не убили.

Я попытался добавить очко к выносливости.

ПОДТВЕРДИТЬ УЛУЧШЕНИЕ?

«Да».

По телу прошла лёгкая дрожь. Дышать стало немного легче. Ого, вот это хорошо.

ВЫНОСЛИВОСТЬ: 3.

ДОСТУПНЫЕ ОЧКИ РАЗВИТИЯ: 0.

Я ещё раз посмотрел на исчезающую таблицу характеристик.

Интересно, а что ещё умеет эта штуковина?

Перед глазами появилась новая надпись.

ДОСТУПНО ЗАДАНИЕ.
НАЗВАНИЕ: «ЧУЖИЕ ДОЛГИ».
ЦЕЛЬ: ПОГАСИТЬ ДОЛГ В РАЗМЕРЕ 300 ИМПЕРСКИХ РУБЛЕЙ.
СРОК: 24 ЧАСА.
НАГРАДА: ДОСТУП К ФУНКЦИИ «ЛАБОРАТОРИЯ».
ПРИ НЕВЫПОЛНЕНИИ: ПОСЛЕДСТВИЯ НЕИЗВЕСТНЫ.

Я внимательно прочитал сообщение. Триста рублей. Двадцать четыре часа.

Интересно, что это за лаборатория?

Я мысленно нажал на слово.

ЛАБОРАТОРИЯ.
ЗАКРЫТА.
ДОСТУП ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ ПОСЛЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАДАНИЯ.

Я попытался открыть её ещё раз, но ничего не произошло.

Потом появилась последняя строчка:

ВРЕМЯ ДО ЗАВЕРШЕНИЯ ЗАДАНИЯ: 23:58:41.

Цифры продолжали уменьшаться. Я посидел немного. Поразмышлял. Не очень всё это понятно, хотя принцип ясен. Так, ну ладно, отдохнул и хватит. Надо идти.

Я встал. Немного прошёлся вперёд-назад. Ходьба помогает успокоиться и собрать мысли в кучу. Если мысли есть, конечно. Я только сейчас ясно понял, что произошло. Я действительно умер.

Причём в одном, в том моём мире. А живу теперь здесь, в другом. Вот как оно, оказывается, бывает. Да ещё и в чужом теле.

И нахожусь в городе, который называется Кёнигсбергом. И где какая-то невидимая штука в воздухе сообщает мне, сколько у меня интеллекта и выносливости. И вообще сколько чего у меня осталось. И вроде бы добавлять циферки тоже можно. Удобно, конечно.

И немного обидно. В прежней жизни я за такую возможность, наверное, многое бы отдал. Снова стать молодым.

Даже и мечтать об этом не мечтаешь. Чтобы вот так взять и снова начать жить сначала.

Не повторить ошибок...

Сколько раз в жизни думаешь: эх, вернуть бы тот денёк или если бы я только знал...

Только вот почему-то никто не предупредил, что к молодости прилагаются побои в подвале, долг в триста рублей и три урода-бандита, обещавшие убить. И почему-то кажется, что свои обещания они выполняют честно. Про убийства уж я уверен точно. Да поверить во всё это трудно... Как во сне.

А может, я и правда сплю?

Я посмотрел на свои руки. Потом на ноги.

Потрогал лицо.

Вроде бы всё настоящее. Потом взял и ущипнул себя за руку. Больно, и всё. Никаких пробуждений. Сначала захотелось даже рассмеяться.

Потом чуть ли не заплакать. Но я не сделал ни того ни другого. Потому что увидел, как мимо проезжает трамвай.

А на его передней площадке висела табличка:

«ИМПЕРАТОРСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС № 93».

То, что мне надо. Потом посмеюсь и поплачу. А пока поднял руку.

Трамвай остановился.

Дверь, зашипев, открылась. На подножке стоял кондуктор — пожилой мужчина с большими седыми усами.

— Садимся, садимся, молодой человек! — заторопил он меня. — Не задерживаем!

Я вошёл в дверь, встал на средней площадке и полез в карман. И только тут вспомнил, что последние деньги остались в подвале. В салоне людей почти не было. Двое-трое сидят, и на задней площадке какой-то мужик.

— Скажите, — негромко спросил я кондуктора, — а кадетам проезд бесплатный?

Кондуктор посмотрел на меня и на мой грязный мундир.

— Только по проездному удостоверению.

— А если удостоверения нет? Дома забыл?

— Тогда за деньги.

— А если денег тоже нет? Так вот получилось?

— Тогда пешком. Или штраф.

Кондуктор выглядел как железобетонный непробиваемый бункер.

— Понятно.

Я вздохнул, подошёл к выходу и слез с подножки.

Дверь захлопнулась.

Трамвай медленно покатился дальше. А я пошёл следом.

Ну а что делать...

Ничего.

Пешком, кстати, даже полезнее. Тем более теперь выносливость целых три.

Примерно через четверть часа передо мной возник огромный замок. Вернее, сначала я увидел башни. Высокие, с острыми крышами.

Потом длинную кирпичную стену и громадные ворота, украшенные золотыми орлами.

Над аркой была надпись:

«КЁНИГСБЕРГСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС № 93».

Под ней — девиз:

«ЧЕСТЬ. МАГИЯ. ОТЕЧЕСТВО».

А чуть ниже, уже мелкими буквами:

«ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН».

Я остановился.

Наконец-то добрался.

Впрочем, радоваться было рано. У ворот стоял здоровенный мужчина с седыми висками и такими плечами, что на них можно было спокойно размещать небольшую школьную доску. Он был одет в тёмный мундир с красными погонами.

Руки сложены за спиной.

Лицо суровое.

Я таких людей хорошо знал. В каждой школе обязательно найдётся человек, который считает, что дисциплина должна начинаться ещё до рождения ребёнка. Мужчина заметил меня.

Нахмурился.

И рявкнул:

— Кадет Скидановский!

Я вздрогнул.

— Так точно!

Сам удивился, откуда это выскочило.

— Где вас носило?!

— В городе, господин... — Я замешкался.

— Капитан!

— Господин капитан!

— Почему опоздали?!

Я бросил взгляд на часы над воротами. Без пяти девять.

— А во сколько надо было?

Капитан медленно побагровел.

— Что?! — Он бешено смотрел на меня.

— Я просто уточняю.

— Вы должны были прибыть к восьми ноль-ноль!

— Понятно.

— И что вам понятно?!

Капитан, видно было, завёлся не на шутку.

— Что опоздал.

— На пятьдесят пять минут!

— Да, — я развёл руками, — многовато получилось.

Капитан сделал шаг ко мне. Я невольно отступил.

— Почему мундир грязный?! — быстро спросил он.

— Упал.

— Где?!

— В подвале.

— Что ты... вы делали в подвале?!

— Лежал.

Я подумал, что отвечаю, в общем-то, честно. Не вру. Как обещал маме ещё в детстве. Капитан открыл рот.

Потом закрыл.

Потом снова открыл. Похож на вытащенную рыбу, подумал я. Я понял, что разговор, в общем-то, складывается не очень удачно. И для меня, и для капитана: его ведь от возмущения, например, кондрашка хватить может.

Надо было как-то исправлять положение.

— Господин капитан, — громко и чётко сказал я, — разрешите объяснить обстоятельства?

Капитан слегка изменил тон и после секундной задержки скомандовал:

— Объясняйте!

— На меня напали трое неизвестных, — начал я торопливо рассказывать. — Я получил телесные повреждения, затем обратился к сотруднику полиции, после чего добирался в корпус пешком. А пешком, поскольку не имел денег на проезд.

Капитан посмотрел на меня.

— И вы хотите, чтобы я в это вот поверил?

Я развёл руками.

— Желательно.

— Фамилии нападавших!

— Не знаю.

— Приметы!

— Один толстый, другой длинный, третий маленький. И с мордой уголовника.

— Это что за приметы?!

— Какие были.

Я развёл руками.

— Фотографий, извините, нападавших нет.

И хотел добавить, что не успел сделать. Но не стал. Капитан молча потёр лоб. Поморщился. Наверное, начинала болеть голова под фуражкой.

У меня она, кстати, тоже болела. Так что в каком-то смысле мы уже нашли общий язык. Что-то общее.

— Скидановский, — сказал он наконец, — за опоздание и ненадлежащий внешний вид назначаю вам три внеочередных наряда.

— А что делать надо?

— Конюшни чистить!

Я подумал.

Конюшни.

Пони.

Навоз. Запах. Вернее, вонь. Нет, это не моё. Да, определённо, новая жизнь начиналась прекрасно. Но я, слава богу, не пацан в душе. Молодой.

— Господин капитан, а можно один вопрос? — обратился я с серьёзным видом.

— Ну?!

— А вы здесь давно работаете?

Капитан бросил на меня гордый взгляд.

— Двадцать два года!

— Значит, — сказал я, — вы опытный человек.

— К чему вы клоните?!

— Да я просто хотел узнать: у вас здесь все с утра такие злые или это только по средам?

Капитан застыл и побагровел окончательно. Стоял, как варёная свёкла. А у меня перед глазами появилась знакомая надпись.

ОБНАРУЖЕН СКРЫТЫЙ МЕХАНИЗМ: «ЛОГИКА УСТАВА».

ДОСТУПНО ПРАВО НА АПЕЛЛЯЦИЮ.

ВНИМАНИЕ: НЕОБОСНОВАННЫЕ АРГУМЕНТЫ ПОВЫШАЮТ РИСК НАКАЗАНИЯ.

Я посмотрел на надпись. Потом на капитана. Тот уже набрал воздуха, собираясь что-то сказать.

И вдруг мне пришла в голову одна мысль. В прошлой жизни я много лет проработал в школе. И прекрасно знал, что против начальства иногда помогает только одно средство.

Бумажка.

Желательно подписанная.

А ещё лучше — с печатью.

— Господин капитан, — произнёс я как можно вежливее, — а можно мне ознакомиться с уставом корпуса?

Он замер.

— Зачем?

— Хочу узнать, где написано, что за опоздание после нападения неизвестных лиц назначается чистка конюшни.

Капитан прищурился.

— Вы решили спорить?! Со мной?

— Нет. Только учиться.

Я прямо и спокойно смотрел на него. И на этот раз он тоже посмотрел на меня уже совсем по-другому.

А перед глазами вспыхнула новая строка:

ВНИМАНИЕ.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОВЕДЕНИЯ НОСИТЕЛЯ ЗАФИКСИРОВАНО.

НАЧАТА ПРОВЕРКА ЛИЧНОСТИ.

ИСТОЧНИК ЗАПРОСА: ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ ИМПЕРИИ.

Я перестал улыбаться.

Надо же.

Интересное дело.

Оказывается, кто-то здесь следит не только за дисциплиной. И следит гораздо внимательнее, чем мне, например, хотелось бы. А строгий капитан тем временем достал из кармана маленький серебряный свисток.

— Скидановский, — негромко произнёс он, — пройдёмте со мной.

Я посмотрел на свисток. Потом на огромные ворота корпуса. И впервые за всё утро подумал: может, не то чтобы лучше было остаться с теми тремя в подвале, но сюда попадать тоже не стоило.

Там, в подвале, хотя бы всё было понятно. Долг какой-то, который я должен.

Триста рублей.

И трое идиотов. Ну и ещё побои. А здесь, похоже, идиотов гораздо больше. И что они могут сделать, ещё абсолютно непонятно. А некоторые из них даже имеют государственные должности. В мундирах вон стоят.

Так что из двух зол я, похоже, выбрал то, что побольше.

Мы прошли через огромные ворота. За ними начинался широкий мощёный двор. По обе стороны стояли старые корпуса из красного кирпича. Где-то впереди звонил колокол. По двору торопливо шли кадеты.

Некоторые останавливались и смотрели на меня.

Один даже засмеялся:

— Гляди, бастард опять отличился!

Я хотел было ответить, но капитан так посмотрел на меня, что я решил промолчать. Мы подошли к небольшой двери в боковой башне. Капитан достал из кармана связку ключей, выбрал один и открыл дверь.

— Заходите.

Я вошёл.

Комната оказалась маленькой. Стол, два стула, шкаф, портрет какого-то бородатого мужчины в мундире. На столе стоял медный прибор с круглым стеклом. Капитан закрыл дверь и указал на стул.

— Садитесь.

Я сел.

Он подошёл к столу. И тут прибор неожиданно зазвенел. Капитан нахмурился, приложил ладонь к стеклу и что-то негромко произнёс.

По стеклу пробежали зелёные полосы. Потом перед ним возник небольшой светящийся прямоугольник. Я хотел рассмотреть, что там написано, но капитан заслонил его плечом.

Однако кое-что я всё-таки успел увидеть.

ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ ИМПЕРИИ.

Капитан быстро прочитал сообщение. Потом ещё раз. Медленно повернулся ко мне.

И почему-то побледнел.

— Скидановский, — спросил он каким-то странным голосом, — скажите мне одну вещь.

— Какую?

— Вы сегодня утром где были?

— В подвале.

— А до этого?

— Не помню.

Капитан молча смотрел на меня. Потом опять повернулся к прибору. Я заметил, что его рука слегка дрожит.

Я осторожно наклонился, пытаясь заглянуть ему через плечо. И тут перед моими глазами появилась надпись Системы.

ВНИМАНИЕ!

ОБНАРУЖЕН ЗАПРОС НА ИДЕНТИФИКАЦИЮ НОСИТЕЛЯ.
ИСТОЧНИК: ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ ИМПЕРИИ.
СОГЛАСНО ОФИЦИАЛЬНЫМ ДАННЫМ:
КАДЕТ АЛЕКСАНДР СКИДАНОВСКИЙ.
СТАТУС: МЁРТВ.
ВРЕМЯ СМЕРТИ: СЕГОДНЯ, 06:17.

Я перечитал последнее слово. Потом ещё раз.

Мёртв.

Но я же сейчас сижу здесь, в кресле перед капитаном. Капитан тем временем медленно потянулся к висевшей на стене чёрной трубке.

И произнёс:

— Дежурному офицеру Тайной канцелярии. Срочно. У нас чрезвычайное происшествие.

Я осторожно поднялся со стула. Кажется, начинались настоящие неприятности.

Глава 2

Капитан не успел закончить наш разговор, как в дверь постучали.

Он повернулся к двери и сказал:

— Войдите!

В комнату вошёл мужчина в сером сюртуке. Седые волосы были аккуратно зачёсаны назад. В руке он держал небольшой кожаный чемодан.

— Вызывали лекаря?

— Да, доктор Вальтер. Вот ваш пациент, кадет Скидановский. Необходимо срочно провести обследование.

Доктор взглянул на меня и подошёл к столу.

— А что вообще произошло? — спросил он, поставив чемодан на стол и открывая замки.

Я постарался говорить спокойно:

— Напали. Избили.

— Бывает, бывает, — сказал Вальтер, открыл чемодан и достал оттуда что-то вроде стетоскопа.

Потом подошёл ко мне и попросил меня встать. Я послушно поднялся. Ростом мы с ним оказались одинаковыми, и он вначале осмотрел моё лицо. Рассматривал так, как будто искал на нём тайные знаки. Потом попросил показать руки, затем осторожно надавил на рёбра.

Я поморщился.

— Что, больно? — спросил Вальтер.

— Да, — ответил я и подумал, что эти доктора — странный народ всё-таки. «Больно, не больно» — спрашивает. По мне не видно разве?

— Головокружение? — продолжал он.

— Есть.

— Потеря памяти?

— Частичная.

— Ну что ж, — сказал он. — Расстегните-ка рубашку.

Увидев синяки на груди и боках, он многозначительно поднял брови. Осмотр продолжился: теперь доктор осторожно ощупывал меня сначала пальцами, а затем слушал своим стетоскопом. При этом говорить «дышите — не дышите» не стал, только молча вслушивался.

— Понятно, — наконец произнёс он. — Можете одеваться.

Потом повернулся к капитану.

— Ему необходимо в лазарет.

— Нет, — капитан покачал головой. — У нас к нему ещё есть вопросы.

— Вопросы могут подождать. — Вальтер говорил спокойно, но твёрдо. — Если у кадета внутреннее кровотечение, вы получите второго покойника за одно утро.

Капитан сначала ничего не ответил. Недовольно поднялся, прошёлся по кабинету, с полминуты постоял на месте и наконец махнул рукой:

— Ладно, забирайте, — сказал он доктору. — Только из корпуса и лазарета ему ни ногой.

Доктор ответил:

— Это само собой.

И помог мне подняться.

— Идите за мной, кадет. — Доктор не спеша направился к выходу, не оглядываясь.

Мы вышли из комнаты. Внутренний двор корпуса оказался значительно больше, чем я предполагал. За высокими кирпичными стенами располагалось несколько зданий, соединённых крытыми переходами. Между ними проходили дорожки из серого камня. По сторонам росли старые каштаны.

Слева находился просторный плац. На нём было шумно, так как там тренировались кадеты. Преподаватель стоял перед строем кадетов, с виду одинаковых в своих мундирах, и подавал команды. Молодые люди одновременно поднимали руки, а над их ладонями возникали небольшие светящиеся шары. Некоторые удерживали их неподвижно. У других шары дрожали, теряли форму и гасли.

Я вначале сбавил шаг, а потом совсем остановился.

— Доктор, это что, занятия магией?

Вальтер встал рядом со мной и тоже стал с интересом наблюдать за происходящим на плацу.

— Да, — ответил он. — Практическая подготовка первого курса.

— Доктор, — я повернулся к нему, — у меня абсолютный провал в памяти. Напомните, пожалуйста, что ещё здесь изучают?

— Не переживайте, кадет, потеря памяти у вас временная, — сказал он. — А изучают здесь военное дело, историю, математику, естественные науки, артефакторику.

Перечислив всё это, Вальтер замолчал. Потом добавил:

— Ну и, конечно, алхимию.

— Алхимию?

Вальтер посмотрел на меня.

— Вас это что, удивляет?

— Нет. Просто интересно.

— В корпусе действует кафедра прикладной алхимии, — продолжил он. — Там очень хорошо готовят узких специалистов по лечебным и защитным составам.

Вальтер ещё помолчал, как бы вспоминая, что там ещё делают, и добавил:

— А также консультантов и экспертов по магическим материалам.

Я посмотрел в сторону отдельно стоящего здания с высокими окнами. Над входом была установлена медная эмблема: колба, обвитая двумя тонкими линиями.

— Это и есть кафедра?

— Да, — ответил он. — Кафедра прикладной алхимии.

Мы направились к зданию. За большим стеклом витражного окна виднелись длинные столы, шкафы и какое-то оборудование. Я задержал взгляд на окнах, с любопытством разглядывая видневшиеся за ними кабинеты.

Доктор заметил это.

— Раньше, кадет, вас эти занятия совершенно не интересовали.

— Правда? — пробормотал я. — Может, просто незаметно было.

— Не знаю, не знаю, — ответил доктор. — По крайней мере, результаты экзаменов, на которых я присутствовал в комиссии, говорят именно об этом. Ладно, Скидановский, пойдёмте, мы уже рядом.

Мы прошли мимо окон лаборатории и свернули к соседнему входу. Там находился лазарет, занимавший часть первого этажа. Перед большой двустворчатой дверью доктор остановился.

— Ну вот и лазарет, — сказал Вальтер. — Проходите, кадет.

И толкнул дверь. Внутри лазарета было всё, что и должно быть в таких местах. Белые стены, запах эфира и лекарств, холодный дерматин кушеток.

— Раздевайтесь и укладывайтесь, — сказал он мне, подходя к раковине.

Пока доктор мыл руки, я снял рубашку, посмотрел на себя в зеркало и почти ужаснулся. Бока, особенно правый, были красно-синими. Повернувшись спиной и осторожно вывернув больную шею, я увидел на своей тощей спине такую же разноцветную картину. Да, здорово меня разукрасили, подумал я. Удивительно, что боль не такая уж и сильная. Наверное, всё же переломов нет.

Следующие пятнадцать минут доктор внимательно осматривал и ощупывал мои повреждения и наконец хмыкнул:

— Удивительно. С такими гематомами — и ни одной трещинки.

— Вас это сильно расстраивает? — поинтересовался я.

Доктор усмехнулся и не ответил. Он обработал ссадины, дал выпить какое-то лекарство и оставил небольшую бутылочку с зелёной жидкостью.

— По одной мерной ложке три раза в день, — сказал Вальтер.

— А что это за состав?

— Восстанавливающий эликсир.

— Из чего приготовлен?

Доктор удивился.

— Зачем вам?

Я пожал плечами.

— Ну как зачем... Просто хочу знать, что принимаю.

Вальтер поставил чемодан на стол.

— Основа растительная. Кроме неё, используется стабилизирующий реагент и небольшое количество накопленной лечебной энергии. Ничего необычного.

— А приготовить его трудно? — поинтересовался я.

— Для опытного алхимика нет. Для кадета первого курса — весьма непросто.

Я взял с тумбочки бутылочку и поднёс к свету. Жидкость была прозрачной, зеленоватой. На дне виднелся тонкий слой осадка. Перед глазами появилась надпись.

ВЗГЛЯД ХИМИКА АКТИВИРОВАН.

ОБЪЕКТ: ВОССТАНАВЛИВАЮЩИЙ ЭЛИКСИР.

КАЧЕСТВО: ОБЫЧНОЕ.

СТАБИЛЬНОСТЬ: 68%.

ОБНАРУЖЕНО ЧАСТИЧНОЕ РАЗРУШЕНИЕ АКТИВНОГО КОМПОНЕНТА.

Я повернул бутылочку. Осадок медленно переместился вдоль стекла. Вальтер сидел за столом и что-то быстро писал.

Потом поднялся и перед уходом сказал:

— Ничего критического для здоровья я не вижу. Но оставаться в постели как минимум сегодня до обеда.

— Спасибо, доктор, — поблагодарил я его и спросил, показывая на бутылочку: — А он должен быть с осадком?

— Небольшое количество допускается.

— Это не снижает его действие?

Вальтер взял из моих рук бутылочку и осмотрел.

— Незначительно.

— А почему появляется осадок?

Доктор помолчал. Потом развёл руками.

— Ну вы, кадет, прямо как на лекции. Осадок получается из-за особенностей соединения компонентов. При остывании часть вещества теряет устойчивость.

— Значит, температура имеет значение? — не отставал я.

— Разумеется.

— А нельзя изменить порядок приготовления?

Доктор внимательно посмотрел на меня.

— Вы что, изучали алхимические рецептуры?

— Честно говоря, не помню.

— Тогда откуда такие вопросы?

Я пожал плечами.

— Просто предположил.

Вальтер поставил бутылочку на стол.

— Поправляйтесь, Скидановский. Потом поговорим.

Взяв чемодан с замками, Вальтер вышел из кабинета. Через час дверь лазарета приоткрылась. В комнату заглянул молодой кадет.

— Саша?

Я повернулся.

Парень был невысокий, крепкий, с короткими каштановыми волосами. На носу виднелись веснушки.

— Ты как? — спросил он и вошёл, не дожидаясь ответа.

— Нормально, — ответил я, с удивлением глядя на него.

Кадет сел на соседнюю кровать.

— Ты что, меня не узнаёшь?

— Не совсем. — Я показал пальцем на голову. — Но это потому что...

Он нахмурился.

— Да, я слышал, тебя избили.

Потом он поднялся и пересел на край моей кушетки, в ногах.

— Пашка Нестеров. Мы в одной комнате живём.

— А, Пашка. — Я сделал вид, что начинаю вспоминать.

Он внимательно смотрел мне в глаза.

— Ты действительно ничего не помнишь?

— Отдельные вещи помню. Остальное пока нет.

Павел несколько секунд помолчал.

— Сегодня утром сказали, что ты умер.

Я вздохнул.

— Да, я слышал.

— Потом сюда приехали люди из Тайной канцелярии. Весь корпус переполошили.

Тут я подумал, что надо бы порасспрашивать.

— Слушай, а что случилось-то вчера?

Павел посмотрел на дверь и, наклонившись поближе ко мне, негромко сказал:

— Ты опять играл с Розенфельдом.

— С Розенфельдом? — Я сделал вид, что напрягаю память. — Это кто?

— Виктор Розенфельд. Ты-то совсем ничего не помнишь? Из нашей роты. Сын графа Розенфельда.

— Светловолосый такой? — наугад спросил я.

— Да.

Тут я вспомнил человека за карточным столом.

— Такой, с лицом неприятным, да?

Павел кивнул.

— Да. И самое плохое — ты проиграл ему деньги. Потом он требовал расписку.

— Триста рублей?

— Да.

— А я подписал?

— Не знаю. Я хотел тебя остановить, но меня выгнали из комнаты в общий зал.

— Кто?

— Розенфельд со своими приятелями.

Я задумался.

— А что было после игры, ты не знаешь?

— Тебя, кажется, куда-то вызвали. В общем, ты ушёл и больше не возвращался.

— Вызвали? Кто вызвал?

— Явился старший кадет из третьего курса. Фамилии не знаю.

Павел опять оглянулся на дверь, потом ещё сильнее понизил голос.

— Слушай, ты с Розенфельдом осторожнее. Сам понимаешь. Он не зря здесь почти всем распоряжается. Пока у него отец в Имперском совете, а старший брательник служит в гвардии, он и будет здесь как хозяин.

— Понятно.

— И ещё. Я из-за этого тебя и пришёл потревожить. У него сегодня в руках была какая-то бумага. Он показывал её своим ребятам.

— Расписка моя?

— Скорее всего, да.

Я посмотрел на часы на стене. До вечера оставалось несколько часов. И денег у меня, понятное дело, не было.

— Пашка, напомни, как здесь можно заработать?

Он удивился.

— Чего заработать, денег?

— Ну да.

— За пределами корпуса нельзя. А внутри иногда платят за выполнение специальных заданий. Только их ведь дают только старшим курсам.

— Каких заданий? — спросил я.

— Разных. Помощь, например, в мастерских, изготовление артефактов.

Пашка посмотрел в потолок, как бы вспоминая.

— А, ну ещё за сбор алхимических материалов.

— А сколько платят?

— Зависит от работы. За простые задания несколько рублей. За редкие материалы больше.

— А триста рублей реально заработать?

Павел хмыкнул и посмотрел на меня.

— За один день?

— Да.

— Ну, не знаю... Тут никого такого нет, я уверен, кому это удавалось. Триста рублей... Люди за такие деньги, сам знаешь, месяцами вкалывают.

Он встал.

— Ладно, Саня, мне надо идти. После занятий зайду ещё. Хорошо?

Я кивнул.

У двери Павел остановился.

— Саша, если Розенфельд тебя вызовет, не ходи один. Дай знать мне.

— Хорошо. Не пойду. Да я и не ходок сейчас, сам видишь.

Пашка согласно кивнул головой и вышел, аккуратно закрыв дверь. Я повернулся на бок лицом к тумбочке и снова посмотрел на бутылочку с зелёным эликсиром. Ближе к обеду вернулся доктор Вальтер.

— Как самочувствие?

— Лучше.

Он опять бегло осмотрел меня, особенно почему-то мои руки.

— Ну что ж, — удовлетворённо заметил он. — Восстановление идёт быстрее ожидаемого.

Я указал на бутылочку.

— Доктор, вы говорили, что при охлаждении эликсир теряет часть свойств.

— Говорил.

— А можно посмотреть, как его готовят?

Вальтер удивился.

— Посмотреть? Сейчас?

— Ну да, — ответил я нарочито равнодушно.

Вальтер покачал головой.

— Вам положен покой.

Я попытался пошутить:

— А я спокойно, просто посмотрю.

Доктор задумался.

— Сегодня у первого курса вроде бы практическое занятие. Преподаватель готовит простейший восстанавливающий состав. Думаю, присутствовать вы сможете. Если уж так вам приспичило, — добавил он.

— Спасибо, доктор, — поблагодарил я его. — А как вы думаете, можно будет попробовать приготовить самому?

— Не знаю, не знаю, — закачал головой Вальтер. — Это всё решает преподаватель.

Он поднялся с моей кровати и добавил:

— Собирайтесь потихоньку, я вас отведу, а там уж, кадет, разговаривайте сами.

Через двадцать минут мы вошли в здание алхимической кафедры. Внутри располагалась просторная лаборатория. Вдоль стен стояли высокие шкафы со стеклянными дверцами. За ними находились банки с порошками, герметичные сосуды, металлические коробки и десятки маленьких бутылочек.

У каждого сосуда была аккуратная надпись. В центре помещения находились четыре длинных стола с каменными столешницами. На них стояли колбы, мензурки, металлические чаши, весы и небольшие нагревательные устройства.

В дальнем углу располагался большой шкаф, закрытый на три замка. Перед доской стоял преподаватель — высокий худощавый мужчина с аккуратной бородой.

Доктор представил меня:

— Магистр Эрих Брандт. Заведующий кафедрой прикладной алхимии. А это наш любитель химии, кадет Скидановский.

Преподаватель посмотрел на меня.

— Скидановский? Вы же, я слышал, сейчас числитесь в лазарете.

— Это по моему разрешению, — поторопился сказать Вальтер. — Наблюдение за занятием ему не повредит.

Он покосился на меня и добавил:

— Я думаю, даже поспособствует выздоровлению.

Брандт поднял брови и кивнул Вальтеру.

— Хорошо.

И обратился уже ко мне:

— Тогда, кадет, занимайте свободное место.

Я прошёл и сел за последний стол. В это время дверь лаборатории отворилась, вошли человек двадцать кадетов и стали рассаживаться за столами. Некоторые оборачивались на меня, но вопросов не задавали.

Среди них я заметил светловолосого парня, которого уже видел в обрывках чужой памяти. Розенфельд. Тот самый. Светловолосый сел за соседний ряд и внимательно посмотрел на меня.

Потом наклонился к соседу и что-то сказал.

Оба усмехнулись.

Я отвернулся к преподавателю.

— Сегодня, — начал Брандт, — мы будем изготавливать укрепляющий состав первой категории. Это одно из наиболее распространённых средств, используемых в полевой медицине.

Он указал на доску.

На ней была записана последовательность операций:

сначала подготовка растительной основы, затем введение связующего вещества, после этого — нагревание, насыщение магической энергией и охлаждение.

Преподаватель продемонстрировал несколько компонентов.

— Особое внимание уделите температуре смеси. При превышении допустимых значений активная основа частично разрушается.

Он налил прозрачную жидкость в стеклянную колбу и добавил небольшое количество жёлтого порошка. Смесь постепенно приобрела зелёный цвет. Потом поставил колбу на нагревательное устройство.

Над столом появился слабый пар. Через несколько минут состав был готов. Брандт разлил его в маленькие сосуды.

— Теперь ваша очередь.

Кадеты разошлись по рабочим местам. Я остался сидеть.

Преподаватель подошёл.

— Скидановский, почему не работаете?

— Доктор разрешил только присутствовать.

Брандт посмотрел на Вальтера.

Тот кивнул.

— Если не будет больших нагрузок, можете разрешить ему приготовить один образец.

— Хорошо.

Мне принесли необходимые компоненты. Я внимательно прочитал рецепт. Система тут же отреагировала.

ОБЪЕКТ: РЕЦЕПТ УКРЕПЛЯЮЩЕГО СОСТАВА ПЕРВОЙ КАТЕГОРИИ.

АНАЛИЗ ДОСТУПЕН.

ОБНАРУЖЕНЫ ПОТЕРИ АКТИВНОГО КОМПОНЕНТА ПРИ НАГРЕВАНИИ.

ВОЗМОЖНАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ.

Я перечитал порядок действий. По рецепту порошок добавлялся до нагревания. Но если действующее вещество разрушалось при высокой температуре, почему бы не ввести его после того, как смесь немного остынет? Надо спросить.

— Господин магистр, — я встал и обратился к преподавателю. — Разрешите вопрос?

Брандт подошёл.

— Слушаю вас, кадет.

— Почему порошок добавляется перед нагреванием?

— Потому что так предусмотрено рецептурой.

— А если добавить его после?

— Состав может не соединиться.

— А вы пробовали?

Преподаватель внимательно посмотрел на меня.

— Это стандартный рецепт, Скидановский. Его применяют много лет. Нет смысла заново пробовать то, что до нас уже проверяли сотню раз.

— Понятно.

Я сел на место и сказал:

— Спасибо.

Магистр пошёл дальше между рядами столов. Я опять внимательно посмотрел на колбу. В памяти всплыли школьные опыты, которые мы когда-то проводили на уроках химии.

«Сотню раз проверяли другие»... Опять эта цифра! Одни неприятности у меня из-за неё. А может, стоит проверить в сто первый раз?

В голове стали всплывать параграфы когда-то прочитанных учебников: свойства веществ зависели не только от состава, но и от температуры, времени обработки и последовательности смешивания. Может быть, здесь действовали похожие закономерности. Всё же спрошу ещё раз, решил я.

— Магистр, можно ещё один вопрос? — обратился я к преподавателю.

И когда он подошёл к моему столу, спросил спокойно, но твёрдо:

— Можно всё же попробовать изменить порядок?

Брандт нахмурился.

— На занятии мы изучаем утверждённую технологию.

Со стороны соседнего стола вдруг послышался громкий голос:

— Господин магистр, разрешите Скидановскому попробовать.

Это был Розенфельд. Он встал и оглянулся на класс.

— Думаю, всем будет интересно увидеть результат.

Несколько кадетов засмеялись. Брандт посмотрел сначала на него, потом на меня.

— Хорошо. Но все отклонения от рецепта вы выполняете на собственную ответственность. И записываете каждое действие.

Я кивнул.

— Обязательно, магистр.

И добавил ещё:

— Спасибо за доверие.

Через десять минут я приготовил растительную основу и, подойдя к лабораторному столу, где находилась электрическая печь, начал осторожно нагревать её. Я поднял голову и оглядел лабораторию. Розенфельд сидел, откинувшись на спинку стула, и с усмешкой смотрел на меня. Остальные кадеты, отложив на время свои работы, с интересом наблюдали за моими руками.

Магистр подошёл и встал рядом.

— Не забывайте контролировать температуру по шкале прибора с десятичной разметкой, — напомнил он. — Так будет точнее.

Потом он пододвинул к себе журнал и, щёлкнув пером, начал зарисовывать график роста по времени и температуре. Лицо у него было заинтересованное, как у любого учёного при проведении опыта. Дождавшись нужной отметки на шкале, я снял колбу с нагревателя и стал ждать.

Система показывала температуру смеси и состояние соединений.

АКТИВНАЯ ОСНОВА: СТАБИЛЬНА.

РЕКОМЕНДУЕМЫЙ ДИАПАЗОН ДЛЯ ВВЕДЕНИЯ РЕАГЕНТА ДОСТИГНУТ.

Я добавил порошок. Жидкость приобрела насыщенный зелёный цвет. Не такой бледный, как у остальных, а заметно более яркий.

Кадет за соседним столом перестал работать и подошёл ближе.

— Что у тебя получилось?

— Пока не знаю.

Смесь медленно перемещалась внутри колбы. Осадка не было. Я осторожно перемешал её стеклянной палочкой.

Перед глазами возникла надпись.

МОДИФИКАЦИЯ РЕЦЕПТА УСПЕШНА.

СТАБИЛЬНОСТЬ: 91%.

ПРОГНОЗИРУЕМАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ: +26%.

Я убрал палочку.

— Всё, по-моему, готово.

И посмотрел на преподавателя. Магистр Брандт кивнул, обошёл меня, осторожно взял колбу и рассмотрел её на свет. Потом поставил на специальную подставку с измерительным кристаллом.

Кристалл вспыхнул зелёным. На маленькой шкале появились цифры.

Преподаватель нахмурился.

Ещё раз проверил прибор.

— Девяносто один процент, — наконец произнёс он.

В лаборатории стало тихо.

— Этого не может быть, — сказал кто-то.

Брандт поднял колбу.

— Кто-нибудь видел, что именно он делал?

Несколько кадетов подтвердили, что наблюдали за всем процессом. Розенфельд вышел из-за своего стола.

— Господин магистр, разрешите замечание.

— Говорите.

— Скидановский раньше не мог приготовить даже обычный стабилизатор. А сейчас вдруг получает результат, который выше вашего собственного! Вам это ничего не говорит?

Преподаватель посмотрел на меня.

— Не знаю. А ведь действительно... Вы, Скидановский, буквально ещё на прошлых занятиях мирно дремали вон там.

И он показал на последний ряд столов.

— Вот именно! — громко и уверенно подтвердил Розенфельд. — И это говорит только об одном, господин магистр.

Преподаватель посмотрел на него.

— О чём это говорит? Не очень понимаю вас.

Розенфельд торжествующе поднял руку и указал пальцем на меня:

— Это не Скидановский. Это просто иной, который как-то попал в лабораторию.

После этих слов в лаборатории стало тихо. Так тихо, словно здесь находились не двадцать кадетов, а только я, магистр и этот светловолосый негодяй.

Глава 3. Чужое отражение

После слов Розенфельда в лаборатории стало так тихо, что я услышал, как где-то за шкафами капает вода. Магистр Брандт медленно поставил колбу на стол и повернулся к светловолосому кадету.

— Розенфельд, вы понимаете, что сейчас сказали?

— Прекрасно понимаю, господин магистр, — ответил он, не глядя на меня и расправив плечи. — Я считаю, что перед нами находится не Александр Скидановский, и требую провести проверку.

По лаборатории прошёл негромкий гул. Несколько кадетов отодвинулись вместе со стульями, а один даже спрятал руки за спину, словно боялся, что я немедленно за них схвачусь. Я посмотрел на преподавателя. Тот стоял возле моего стола и задумчиво крутил в пальцах карандаш.

— На каком основании вы делаете подобный вывод? — спросил он после небольшой паузы.

Розенфельд усмехнулся, поправил воротник своего безупречно сидевшего мундира и оглянулся на остальных.

— Сегодня утром Скидановского объявили мёртвым. Об этом знает весь корпус. Потом он вдруг появился живой, а теперь показывает результаты по алхимии, которых прежде никогда не достигал. Разве этого недостаточно?

— Недостаточно, — спокойно ответил Брандт.

— Тогда предлагаю проверить его отражение!

Вот здесь я почувствовал, что разговор принимает совершенно неприятное направление.

Отражение? Причём здесь отражение?

Я мысленно обратился к Системе:

«Иной. Что это такое?»

Перед глазами возникло полупрозрачное окно.

ЗАПРОС ПРИНЯТ.

ПОИСК В ДОСТУПНОЙ ПАМЯТИ НОСИТЕЛЯ.

ОБНАРУЖЕНА ИНФОРМАЦИЯ О ЗЕРКАЛЬНЫХ ФОРМАХ ЖИЗНИ.

УРОВЕНЬ ДОСТОВЕРНОСТИ: НЕПОЛНЫЙ.

И всё. Больше никаких объяснений. Замечательно, подумал я. Когда надо выяснить какую-нибудь ерунду, Система готова показывать целые таблицы. А когда речь заходит о твоей собственной жизни, информации почему-то не хватает.

— Господин магистр, — обратился я к Брандту, — а что это за проверка такая?

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Вы не знаете?

— После сегодняшних событий я многого не знаю. Доктор сказал, что у меня частичная потеря памяти.

Преподаватель задумчиво провёл рукой по короткой бороде.

— Иные, Скидановский, — это не то, о чём принято разговаривать на практическом занятии, тем более в присутствии первого курса.

— Но если меня обвиняют в том, что я Иной, хотелось бы хотя бы понимать, в чём именно.

Кто-то за соседним столом тихонько засмеялся. Розенфельд резко повернул голову, и смех сразу прекратился.

— Не изображай простака, бастард. Ты прекрасно понимаешь, о чём речь.

— Розенфельд! — повысил голос магистр. — Ещё одно подобное обращение, и вы покинете занятие.

Светловолосый недовольно сжал губы, но промолчал. Брандт обошёл мой стол и остановился перед классом.

— Иными называют сущности, способные принимать человеческий облик. Согласно известным описаниям, они используют отражающие поверхности для проникновения в наш мир. Но ни одного подтверждённого случая появления Иного в нашем корпусе не зарегистрировано.

— Потому что их не всегда удаётся обнаружить, — тут же возразил Розенфельд.

— Я не закончил, кадет, — строго произнёс Брандт. — Обвинение в принадлежности к Иным относится к компетенции Тайной канцелярии. Вы не вправе предъявлять его без доказательств.

— Тогда почему бы не получить доказательство прямо сейчас?

Розенфельд указал на большой настенный шкаф с зеркальными дверцами.

— Проверка займёт несколько минут.

Преподаватель несколько секунд рассматривал его, затем перевёл взгляд на меня.

— Скидановский, вы готовы?

Я посмотрел на зеркало. Обычное, по крайней мере на вид: большое, старинное, в тёмной деревянной раме. В нём отражались столы, высокие окна лаборатории и лица кадетов.

— А что надо сделать?

— Подойти к зеркалу и встать перед ним.

— Ну, если только и всего, тогда можно, — ответил я, поднимаясь со стула.

Брандт медленно кивнул.

— Хорошо. Но после этого я не желаю больше слышать подобных обвинений.

Он жестом приказал кадетам отойти от прохода, и я направился к зеркалу.

Пока я шёл, в голове вдруг появилось воспоминание.

Не моё.

Точнее, не из моей прежней жизни.

Тёмный коридор, высокое зеркало, прикрытое тканью, и женский голос, произносящий: «Никогда не смотри в него после полуночи».

Затем изображение исчезло. Я даже сбился с шага. Что ещё за новости? Не хватало мне теперь чужих воспоминаний.

«Система, что происходит?»

АКТИВИРОВАН ФРАГМЕНТ ПАМЯТИ.

ВОССТАНОВЛЕНО: 1%.

ОБЩИЙ ОБЪЁМ ДОСТУПНОЙ ПАМЯТИ: 7%.

Перед глазами мелькнула ещё одна картинка. Та же женщина со светлыми волосами, в тёмном платье и с маленькой брошью возле воротника держала за руку мальчишку лет шести. Мальчишка был очень похож на меня. На нынешнего меня, конечно. Потом всё пропало.

— Скидановский! — окликнул преподаватель. — Вы собираетесь подходить или нет?

— Да, господин магистр, — ответил я, поспешив к зеркалу.

В отражении я увидел худого парня в кадетском мундире. Лицо бледное, под глазом синяк, губа разбита, а волосы торчат в разные стороны. Да уж, красавец. В таком виде только девушек пугать. Брандт подошёл сбоку, достал из кармана небольшой металлический цилиндр и велел смотреть прямо перед собой.

— Теперь поднимите правую руку.

Я поднял. Отражение повторило движение.

— Левую.

И это получилось без проблем. Розенфельд стоял позади преподавателя и напряжённо наблюдал.

— Этого мало, — заметил он. — Надо провести проверку магическим светом.

Брандт тяжело вздохнул.

— Кадет Розенфельд, вы сегодня намерены руководить занятием вместо меня?

— Я лишь предлагаю соблюсти правила безопасности, господин магистр.

Преподаватель ещё немного помедлил, затем нажал кнопку на цилиндре. Из него вырвался узкий луч белого света, направленный прямо на зеркало. Поверхность на мгновение стала серебристой. И тут я заметил кое-что странное. Моё отражение моргнуло.

А я в этот момент не моргал.

Я замер, внимательно всматриваясь в собственное лицо. Отражение тоже остановилось, а через секунду снова стало повторять мои движения. Ничего себе, подумал я. Вот это уже совсем не нравится. Перед глазами появилось предупреждение.

ОБНАРУЖЕНА ПОСТОРОННЯЯ НАБЛЮДАЮЩАЯ СТРУКТУРА.

ТИП: ЗЕРКАЛЬНЫЙ КАНАЛ.

АКТИВНОСТЬ: 4%.

ВНИМАНИЕ: ВОЗМОЖНА ПЕРЕДАЧА ИНФОРМАЦИИ.

Я медленно опустил руку, стараясь ничем не выдать своего волнения.

Получается, за мной кто-то наблюдал? Причём не через окно и не из коридора, а прямо из зеркала?

Брандт выключил цилиндр.

— Проверка завершена, — объявил он, повернувшись к кадетам. — Признаков принадлежности к Иным не обнаружено.

Розенфельд шагнул вперёд.

— Но, господин магистр...

— Достаточно! Возвращайтесь на место. И вы, Скидановский, тоже.

Я поспешил отойти от зеркала. Однако уже у самого стола случайно оглянулся и краем глаза заметил, что моё отражение ещё продолжает стоять на прежнем месте. Всего какую-то долю секунды. Потом оно исчезло из поля зрения.

Я отвернулся.

Нет, на сегодня с меня зеркал хватит.

Когда занятие закончилось, Брандт задержал меня возле своего стола.

— Скидановский, я хочу сегодня вечером ещё раз проверить ваш состав, — сказал он, внимательно рассматривая колбу с зелёной жидкостью.

— Хорошо, господин магистр. Только мне хотелось бы узнать, действительно ли он получился лучше обычного.

— Если измерения подтвердятся, завтра утром мы будем знать наверняка. А пока прошу вас не проводить самостоятельных опытов, пока не изучите технику безопасности.

Он поднял колбу на уровень глаз и немного покачал её.

— Ваш результат интересен, очень интересен, но подобные изменения рецептуры иногда приводят к непредвиденным последствиям.

Я согласно кивнул.

Магистр поставил колбу на подставку и добавил:

— И ещё, кадет. Впредь старайтесь не провоцировать Розенфельда.

— Я его провоцировал? — удивился я.

Брандт немного подумал, затем покачал головой.

— Нет. Но, боюсь, он считает иначе.

Преподаватель открыл журнал и принялся что-то записывать, давая понять, что разговор окончен. Я забрал тетрадь и направился к выходу. В коридоре меня уже ждал Розенфельд. Разумеется, не один.

Сам он стоял у двери, прислонившись плечом к стене. Высокий, светловолосый, с аккуратно зачёсанными волосами, он даже в обычном кадетском мундире выглядел так, будто собрался на торжественный приём. Рядом находились двое его приятелей. Один, широкопле-

чий и коротко остриженный, почти полностью загораживал проход. Второй был немного худее, с крупным носом и шрамом над бровью.

— Нам надо поговорить, Скидановский, — сообщил Розенфельд, оттолкнувшись от стены.

Я остановился.

— Мы вроде уже поговорили.

— Не здесь.

Он кивнул в сторону лестницы.

— Пойдём. Есть один вопрос, который мы с тобой вчера не закончили.

Я посмотрел на его спутников. Судя по тому, как эти трое расположились, отпускать меня просто так они не собирались.

— Если насчёт денег, — сказал я, — то помню. Триста рублей.

— Именно.

Розенфельд сделал шаг ко мне и негромко добавил:

— Но после сегодняшнего представления сумма может измениться.

— Это ещё почему?

— Потому что ты меня унизил перед всем курсом.

Я хотел заметить, что он прекрасно справился с этой задачей самостоятельно, но пока решил промолчать. Розенфельд наклонился чуть ближе.

— Сегодня вечером принесёшь деньги. Все триста. Или я сообщу Тайной канцелярии кое-какие сведения о тебе.

— Какие именно?

Он усмехнулся.

— Поверь, мне есть что рассказать.

В этот момент сзади раздался знакомый голос:

— Вить, а ты что здесь устроил?

Я обернулся.

В нескольких шагах стоял Пашка Нестеров. Невысокий, крепко сбитый парень с широкими плечами и короткими каштановыми волосами. На носу у него виднелись веснушки, а на костяшках пальцев — старые ссадины. Под мышкой он держал несколько учебников и смотрел на нашу компанию с явным неудовольствием.

— Не твоё дело, Нестеров, — ответил Розенфельд.

Пашка неспешно переложил учебники в другую руку.

— Сашка со мной. Мы в столовую собираемся.

— Он сначала со мной пойдёт.

— Не пойдёт, — спокойно ответил Пашка.

Один из приятелей Розенфельда шагнул ему навстречу.

— Ты чего, Нестеров, геройствовать решил?

Пашка посмотрел на него, немного помолчал и сказал:

— Отойди, Глеб. Мы с тобой уже разговаривали на эту тему.

— А если не отойду?

Нестеров вздохнул.

— Тогда опять к лекарю пойдёшь. Тебе прошлый раз не понравилось, насколько я помню.

Глеб остановился. Судя по выражению его лица, воспоминания о предыдущем посещении лекаря были не самыми приятными. Розенфельд медленно перевёл взгляд с меня на Пашку.

— Ты за него отвечать собираешься?

— Если понадобится.

— Он должен мне триста рублей. Можешь заплатить за него, если такой добрый.

Пашка нахмурился.

— Витя, ты сейчас предлагаешь мне платить по карточному долгу, который сам же и организовал?

Розенфельд перестал улыбаться.

— Следи за словами.

— А ты не путай корпус с карточным притоном, — ответил Нестеров, не повышая голоса.

Несколько кадетов, выходивших из соседней аудитории, остановились неподалёку. Кажется, намечалось интересное зрелище. Розенфельд заметил зрителей и немного отступил.

— Хорошо, Нестеров. Вечером поговорим.

Потом указал на меня пальцем:

— А ты, Скидановский, никуда не исчезай. Второй раз мёртвым тебя объявлять не придётся.

После этого троица направилась к лестнице. Пашка дождался, пока они скроются за поворотом, и повернулся ко мне.

— Ну что, Саня, как ты? Ты хоть стоять нормально можешь после вчерашнего?

— Стоять могу, — ответил я, осторожно потрогав распухшую скулу. — А вот бегать пока не очень хочется.

Пашка понимающе кивнул, потом оглянулся на лестницу.

— Ты это, Сань, насчёт Розенфельда не думай, что он просто попугал и успокоится. Я его давно знаю. Этот тип, если к кому привяжется, просто так не отстанет.

— Я уже заметил.

— Ладно, пойдём поедим. А потом надо кое-что обсудить.

Он поднял учебники и направился по коридору. Я пошёл следом.

Столовая корпуса занимала огромный зал на первом этаже главного здания. За высокими окнами моросил дождь, а внутри пахло мясным супом, свежим хлебом и жареной картошкой. За длинными столами обедали кадеты. Кто-то громко разговаривал, кто-то торопливо доедал, поглядывая на часы. Я только сейчас понял, насколько сильно проголодался. Мы взяли подносы и встали в очередь. Пашка сразу положил себе двойную порцию каши, а затем добавил ещё два больших куска хлеба.

Я посмотрел на него.

— Ты всегда столько ешь?

— После тренировки ещё больше, — ответил он, даже не задумываясь. — Сегодня утром четыре раунда отработал. Теперь хоть стол грызи.

— Какие раунды?

— Боксёрские. А ты что, совсем забыл?

Мы прошли к свободному столу возле окна.

Пашка поставил поднос, сел и продолжил:

— Я в секции рукопашного боя занимаюсь. Бокс, борьба, немного магической защиты. Через месяц первенство корпуса, мне в средней весовой категории выступать.

Он показал старые ссадины на костяшках пальцев.

— Вот, вчера тренировался.

— Давно занимаешься?

— С десяти лет. Отец научил. Он у меня в гарнизоне служил, потом в охране торгового дома работал.

— И как успехи?

Пашка улыбнулся, отломив большой кусок хлеба.

— В прошлом году второе место занял, а в этом первое хочу. Орлов говорит, что шансы есть, если перестану лезть в драки где попало.

Он подвинул ко мне хлебницу.

— Ешь, Сань. Тебе поправляться надо.

Я принялся за суп. Пашка некоторое время молчал, потом наклонился через стол.

— Слушай, с Розенфельдом всё серьёзно.

— Да я уже понял.

— Нет, ты не понял, — возразил он, покачав головой. — Он не просто богатый выскочка. У него старший брат в гвардии, а через брата он знаком с людьми из городской службы магической безопасности.

— И что?

— А то, что за одну жалобу тебя могут исключить или отправить на обследование в закрытое отделение.

Я отложил ложку.

— Какое ещё отделение?

Пашка оглянулся и понизил голос.

— Для тех, у кого подозревают запрещённую магию. Иных, например.

Я сразу вспомнил зеркало в лаборатории.

— Пашка, а ты этих Иных когда-нибудь видел?

Он немного подумал, затем покачал головой.

— Настоящих — нет. А историй про них у нас хватает. Говорят, они появляются из зеркал, сначала наблюдают за человеком, изучают его привычки, голос, движения, а потом могут принять его облик.

— И что дальше?

— По-разному бывает, — ответил Пашка, отправляя в рот очередной кусок хлеба. — Одни просто собирают сведения. Другие заменяют людей и выполняют чьи-то поручения.

— Чьи?

— Никто не знает.

Он придвинулся ко мне поближе.

— Отец рассказывал, что во время последней войны несколько имперских офицеров оказались Иными. Передавали противнику сведения о передвижении войск.

Я задумался.

— Их поймали?

— Некоторых. Только доказать было трудно, они же выглядели точно как настоящие люди.

— А как отличали?

Пашка на секунду перестал жевать.

— В зеркале. Отражение иногда запаздывает, особенно если использовать магический свет.

Я почувствовал неприятный холодок между лопатками. Вспомнилось собственное отражение. Оно ведь действительно запоздало, совсем немного, но я это видел.

— А что делают с пойманными Иными? — спросил я, стараясь говорить спокойно.

Пашка внимательно посмотрел на меня.

— Не знаю, не знаю. Говорят, Тайная канцелярия их забирает, а после этого никто ничего больше не слышит.

Он помолчал, потом нахмурился.

— Слушай, а почему ты так расспрашиваешь?

— Интересно.

— Только не говори, что Розенфельд оказался прав.

Я поднял глаза. Пашка смотрел на меня совершенно серьёзно. Некоторое время мы молчали. Потом он усмехнулся и махнул рукой.

— Да ладно, я же тебя с прошлого года знаю. Если бы ты был Иным, давно бы уже заметил.

Мне захотелось уточнить, каким именно образом он собирался это заметить, но я не стал. Вопрос был слишком хороший.

После обеда Пашка повёл меня в жилой корпус. Наша комната находилась на втором этаже. Небольшая, с двумя кроватями, шкафом и письменным столом возле окна. На стене висели расписание занятий, карта Империи и большая фотография команды корпуса по рукопашному бою. За окном дождь постепенно усиливался. По подоконнику постукивали крупные капли, а где-то во дворе скрипела плохо закреплённая ставня. На фотографии Пашка стоял в первом ряду, с медалью на груди.

Я подошёл поближе.

— Это прошлогодние соревнования?

— Ага, — ответил он, снимая мундир. — Вон там мой тренер, капитан Орлов. Видишь, здоровый такой, с усами?

Я нашёл на фотографии мужчину лет сорока с короткой стрижкой.

— Вижу.

— Он раньше в гвардии служил. Сильный мужик. Если бы не он, меня, наверное, давно из корпуса выгнали бы.

— За что?

Пашка усмехнулся и сел на кровать.

— За драки. Я раньше не особенно разбирался, с кем связываться. Если видел, что кого-то обижают, сразу лез, а потом приходилось объяснять начальству, кто первый начал.

— И часто объяснял?

— Достаточно, — ответил он, развязывая шнурки. — Потом Орлов меня в секцию забрал. Сказал, что раз руки чешутся, надо научиться ими правильно пользоваться.

Он положил ботинки под кровать и поднял голову.

— Ты только Розенфельду ничего не уступай. С ним так нельзя. Один раз уступишь — потом всю жизнь будешь должен.

Я сел за стол, на котором лежали учебники, тетради и старый чернильный прибор.

— А Розенфельд действительно сильный маг?

Пашка кивнул.

— Очень. У него резерв почти сорок единиц. Для первого курса это много.

— А у меня?

Он удивлённо посмотрел на меня.

— Ты же сам знаешь.

— Забыл.

Пашка помолчал, явно подбирая слова.

— У тебя почти ничего нет. Потому ты и на алхимию раньше не ходил. Даже простейший огонёк нормально вызвать не мог.

Я вспомнил данные Системы. Магический резерв — почти ноль.

— Значит, в магическом поединке мне с ним не справиться?

— Конечно, не справиться, — ответил Пашка, даже не задумавшись. — Он тебя за несколько секунд положит.

Потом увидел моё лицо и добавил:

— Но в обычной драке всё не так просто. Тут у него преимущество меньше.

— А ты с ним дрался?

— Нет. Он сам никогда первым не лезет, для этого у него Глеб и Аркадий.

Пашка поднялся.

— Кстати, Глеб раньше тоже в секции занимался, потом его выгнали.

— Почему?

— В драке одному кадету руку сломал. Уже после того, как тот сдался.

Теперь стало понятно, почему Пашка так спокойно разговаривал с ним в коридоре. Они хорошо знали друг друга. Я посмотрел на часы. До вечера оставалось немного, а Система не забыла об этом напомнить.

ЗАДАНИЕ «ЧУЖИЕ ДОЛГИ».

ОСТАЛОСЬ ВРЕМЕНИ: 14:36:22.

СУММА ДОЛГА: 300 ИМПЕРСКИХ РУБЛЕЙ.

Триста рублей. Надо же, подумал я, в другом мире оказался, а долги всё те же. Правда, теперь ещё и магические. Нужно было срочно что-то решать, но сначала мне хотелось разобраться с зеркалом.

— Пашка, а у нас в корпусе библиотека есть?

— Конечно.

— Книги про Иных там найдутся?

Он пожал плечами.

— Наверное. В закрытом отделе точно должны быть.

— А обычным кадетам туда можно?

— Нет, только по разрешению преподавателя.

Я посмотрел в окно. Напротив стоял алхимический корпус, на втором этаже которого уже горел свет.

— Значит, придётся искать другой способ.

Вечером я снова пришёл к магистру Брандту. Пашка пошёл со мной. Мы поднялись по лестнице, миновали длинный коридор и остановились возле двери лаборатории. Откуда-то тянуло запахом нагретого металла и химических реактивов. Изнутри доносились голоса.

Один принадлежал магистру, а второй я слышал впервые.

— Повторяю, Эрих, — говорил незнакомец, — результат невозможно получить обычным способом, особенно при таком слабом резерве.

— Тем не менее я видел весь опыт собственными глазами, — ответил Брандт. — И второй образец подтверждает измерения.

— Тогда здесь использована неизвестная технология.

— Именно поэтому я и позвал вас.

Мы переглянулись.

Я негромко постучал.

— Войдите! — отозвался магистр.

В лаборатории находились двое. Брандт стоял возле рабочего стола, а рядом с ним — высокий худощавый старик с седыми волосами и маленькими круглыми очками. На нём был тёмный жилет, из кармана которого выглядывала серебряная цепочка часов. Незнакомец держал в руках мою колбу.

— А вот и автор опыта, — сказал Брандт. — Проходите, Скидановский.

Потом заметил Пашку.

— Нестеров, а вы зачем?

Пашка поправил воротник.

— Сопровождаю товарища, господин магистр. Он после нападения ещё плохо себя чувствует.

Брандт посмотрел на меня.

— Вам действительно настолько плохо?

— Уже лучше, но врач советовал не оставаться одному.

Преподаватель немного подумал и махнул рукой.

— Хорошо. Только ничего не трогайте.

Пашка быстро кивнул и отошёл к стене.

Брандт представил незнакомца:

— Профессор Леопольд Штайн, специалист по магическим реакциям. Приехал из городского исследовательского института.

Профессор осторожно поставил колбу на стол.

— Молодой человек, мне рассказали о вашем опыте. Хотелось бы услышать объяснение непосредственно от вас.

Я рассказал, почему решил изменить порядок добавления вещества. Штайн слушал внимательно, несколько раз попросил уточнить температуру и время обработки, а затем достал из кармана небольшой блокнот.

— Вы утверждаете, что стабилизатор лучше вводить после частичного охлаждения смеси?

— Для этого состава — да.

— И почему?

— Потому что при сильном нагревании часть активного вещества разрушается. А если смесь уже остыла до нужной температуры, потери должны быть меньше.

Профессор задумчиво снял очки.

— Но тогда возникает проблема соединения компонентов.

— Возможно, — согласился я. — Однако здесь соединение всё-таки произошло.

Я показал на колбу.

— И осадка почти нет.

Штайн снова надел очки и приблизился к столу.

— Это действительно интересно. Эрих, можно проверить образец на фазовую устойчивость?

Магистр кивнул.

Они подошли к большому прибору возле окна. Он состоял из нескольких стеклянных сосудов, соединённых трубками, и небольшого медного цилиндра с измерительной шкалой. Профессор поместил внутрь каплю моего состава. Прибор тихо загудел, а в стеклянном цилиндре появились три светящиеся полосы. Штайн некоторое время следил за их движением, затем резко выпрямился.

— Невероятно!

Брандт подошёл ближе.

— Что там?

— Стабильность не снижается.

— Совсем?

— Практически нет. Более того, состав продолжает удерживать активность даже после изменения внешней температуры.

Профессор обернулся ко мне.

— Скидановский, вы понимаете, что сделали?

Я пожал плечами.

— Улучшил рецепт.

— Вы изменили принцип стабилизации! — Штайн произнёс это громко и с явным волнением. — Если результат подтвердится на других составах, это может оказаться весьма полезным открытием.

Он быстро подошёл к столу и начал что-то записывать. Брандт смотрел на меня уже совсем иначе.

— Думаю, вашу работу следует оформить официально.

Я сразу вспомнил о деньгах.

— А за подобные открытия положено вознаграждение?

Штайн поднял голову.

— Разумеется. Если технология будет признана пригодной для практического использования, автору выплачивается премия.

— Большая?

Профессор улыбнулся.

— Зависит от значения открытия. Иногда весьма значительная.

Я посмотрел на Брандта.

— А триста рублей бывает?

Оба преподавателя переглянулись.

— Почему именно триста? — спросил Штайн.

— Столько мне сейчас нужно.

Профессор внимательно посмотрел на меня.

— Для чего?

— Долг погасить.

Брандт нахмурился.

— Какой долг?

Пришлось объяснить про карточную игру. Штайн выслушал меня, затем медленно покачал головой.

— Триста рублей для кадета первого курса — огромная сумма. Подобные обязательства необходимо проверять, особенно если они возникли при подозрительных обстоятельствах.

— Кто заставил вас играть? — спросил Брандт.

Я назвал фамилию Розенфельда. Магистр тяжело вздохнул.

— Понятно.

Он подошёл к своему столу и немного подумал.

— Я выясню обстоятельства. А пока попробую получить для вас предварительное вознаграждение за эксперимент.

— Сколько?

— Десять рублей я могу оформить сегодня. Остальное — после решения комиссии.

Я поблагодарил его. Десять рублей, конечно, не триста. Но хоть что-то, а там, глядишь, ещё заработаю.

Пока преподаватели обсуждали результаты, Пашка стоял возле шкафа и рассматривал какой-то старый прибор. Я подошёл к нему.

— Ты чего притих?

— Да смотрю, сколько здесь всего. Ничего не понимаю, как оно работает.

Он указал на металлический ящик с маленьким стеклянным окошком.

— Вон эта штука, например, зачем?

Я присмотрелся.

На ящике была надпись:

«РЕЗОНАТОР ВТОРИЧНЫХ КОНТУРОВ».

Перед глазами возникло системное сообщение.

ОБЪЕКТ: РЕЗОНАТОР ВТОРИЧНЫХ КОНТУРОВ.

НАЗНАЧЕНИЕ: ИЗМЕРЕНИЕ СВЯЗАННЫХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ.

НЕИСПРАВНОСТЬ: СМЕЩЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО КОНТАКТА.

ВОЗМОЖНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОСЛЕ РЕМОНТА: 97%.

Я удивился.

— Похоже, прибор для измерения магических полей.

— А чего он здесь стоит?

— Не знаю. Может, сломан.

Мы уже собирались отойти, когда из-под шкафа раздалось негромкое мяуканье. Я посмотрел вниз. Оттуда вышел огромный чёрный кот. Шерсть густая, почти блестящая, на шее медный ошейник. Жёлтые глаза внимательно разглядывали нас.

Кот остановился возле моих сапог, посмотрел сначала на меня, потом на Пашку и вдруг совершенно отчётливо произнёс:

— Опять посторонние.

Я замер.

Пашка тоже.

Несколько секунд мы стояли молча. Потом Пашка медленно присел.

— Сань...

— Что?

— Ты это слышал?

— Слышал.

Пашка осторожно протянул руку. Кот отступил и недовольно дёрнул хвостом.

— Руки убери, — произнёс он.

Пашка вскочил.

— Да он разговаривает!

Брандт обернулся.

— Нестеров, что у вас там?

— Господин магистр, кот!

— Что кот?

Пашка растерянно посмотрел на меня.

— Разговаривает.

Брандт вздохнул.

— Это Уголь, лабораторный хранитель. И, пожалуйста, не мешайте ему работать.

Профессор Штайн даже не обернулся. Он продолжал писать в журнале, словно говорящие коты попадались ему каждый день. А Пашка стоял, открыв рот.

— Хранитель? — переспросил я.

— Да, — ответил Брандт. — Старый фамильяр кафедры. Живёт здесь уже много лет, чувствует нестабильные магические вещества и предупреждает об опасности.

Кот сел возле моего сапога.

— Иногда предупреждаю, — заметил он. — Если есть настроение.

Брандт усмехнулся.

— Как видите, характер у него непростой.

После этого преподаватель вернулся к профессору. Я присел на корточки.

— Уголь, значит?

Кот внимательно посмотрел на меня.

— Ты и это забыл?

— Что?

— Моё имя. Раньше ты сюда почти не заходил, но меня видел.

Я почувствовал неприятный холодок.

— Да, память после травмы плохо работает.

Кот прищурился.

— Очень удобно.

Потом поднялся и направился к дальнему шкафу.

У самой двери остановился, оглянулся и тихо добавил:

— А вот твой запах я не узнаю.

Я смотрел ему вслед. Пашка наклонился ко мне.

— Что он сказал?

— Ничего особенного.

Но мне почему-то стало не по себе.

Когда мы вышли из лаборатории, уже начало темнеть. Дождь закончился, однако дорожки во дворе оставались мокрыми, и в лужах отражались жёлтые огни фонарей. По территории торопились кадеты, а где-то возле плаца раздавались команды. Пашка остановился у лестницы.

— Сань, я сейчас на тренировку. Ты со мной пойдёшь или сразу в комнату?

Я подумал. Возвращаться одному не хотелось.

— Пойду посмотрю.

— Тогда пошли, тренировка скоро начнётся.

Мы направились к спортивному корпусу. Это было длинное двухэтажное здание с широкими окнами и большими деревянными дверями. Внутри пахло кожей, деревом и потом.

Знакомый запах.

В моей прежней жизни спортивные залы пахли примерно так же. Мы прошли в просторное помещение. На полу лежали маты, у стены висели тяжёлые мешки для ударов, а в углу стоял небольшой ринг с натянутыми канатами. Несколько кадетов уже разминались. Один прыгал через скакалку, двое отрабатывали удары на мешках, ещё трое боролись на матах. Пашка сразу оживился.

— Вот здесь я и занимаюсь.

Он снял мундир и повесил его на крючок.

— Подожди, сейчас тренера найду.

Из соседней комнаты вышел мужчина лет сорока. Высокий, широкоплечий, с короткой стрижкой и заметным шрамом на подбородке. Он двигался спокойно, но по его походке сразу было видно, что спортом занимался давно. Мужчина посмотрел на Пашку.

— Нестеров, опять опаздываешь?

— Нет, господин капитан. Ещё три минуты до начала.

Тренер взглянул на часы.

— Две.

Пашка улыбнулся.

— Значит, успел.

Капитан повернулся ко мне.

— А это кто?

— Скидановский, господин капитан. Мой сосед по комнате.

— Тот самый?

— Да.

Тренер внимательно осмотрел меня.

— Вид у тебя неважный.

— Недавно избили, — объяснил я.

— Вижу.

Он повернулся к Пашке.

— Сегодня никаких спаррингов с товарищем. Ему отдых нужен.

— Я и не собирался, — ответил Пашка.

Тренер протянул мне руку.

— Капитан Сергей Орлов, руководитель секции рукопашного боя.

Я пожал его руку.

— Александр Скидановский.

— Знаю, наслышан.
Орлов посмотрел на синяк под моим глазом.
— Кто тебя так?
— Трое неизвестных.
— В городе?
— Да.
Капитан нахмурился.
— Заявление подал?
— Пытался. Полицейский не заинтересовался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.